

Анна Сергеевна Лубоцкая

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект 32А. E-mail: lia-ann@mail.ru

Столица и жизнь вокруг: особенности развития греческих городов в первой трети XX в.

С момента обретения независимости в 1830 г. греческое государство стремилось нивелировать значение восточной культуры в жизни страны. Тому способствовали тяготы жизни при османах, тоска по историческому наследию античности и, самое главное, влияние великих держав на современную жизнь Греции. К началу XX в. возникшая ранее ориентация на европейскую модель развития отчетливо проявилась во всех областях жизни: в политике, культуре, духовной сфере. Реформационные тенденции отмечались и в облике городов. Прежде всего они зримо проявились в Афинах и во второй, по сути, столице — Салониках. Афины менялись, модернизировались по образу современных европейских центров, притягивая к себе греческую элиту, поэтическую и творческую богему. В Салониках после страшного пожара 1917 г., уничтожившего большую часть его исторической застройки, греческие власти получили уникальный шанс осовременить северную столицу с учетом градостроительных практик европейских городов. Однако большая часть Греции была нейтральна к новым западноевропейским веяниям, что обуславливалось финансовыми проблемами власти, отсутствием разветвленной сети дорог — основных каналов связи со столицей и ее новомодными тенденциями, острой переселенческой проблемой, сопровождавшейся усилением самобытного элемента в жизни малых городов, приверженностью к восточным традициям, высоким уровнем религиозности. В статье выявлены модернизационные тенденции, проявившиеся в облике греческих городов, и воссоздана атмосфера городской жизни через призму оппозиции «модернизация — традиционализм». В качестве источников использованы свидетельства современников — путешественников, журналистов, писателей, политиков, дипломатов, деятелей культуры, публикации в средствах массовой информации.

Ключевые слова: Греция, модернизация, город, традиция, малоазийская катастрофа

Статья поступила в редакцию: 7 марта 2025 г.
Статья принята к публикации: 23 июня 2025 г.

Цитирование: Лубоцкая А. С. Столица и жизнь вокруг: особенности развития греческих городов в первой трети XX в. // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 220–246. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.8>

На сегодняшний день в зарубежной историографии, прежде всего греческой, тема города на рубеже веков, модернизационная политика власти, главным образом либерального правительства Элефтериоса Венизелоса (1864–1936) в 1910–1915, 1917–1920 гг. составляет (и составляла) область повышенного интереса. Изучаются причины реформационной деятельности, усиленная европеизация и как итог — изменение городской среды и архитектурного ландшафта, социальная политика и эволюция рабочего законодательства, большое внимание уделяется малоазийским событиям¹, переселению беженцев, работе комиссии и властных структур по расселению малоазийцев. Мнения исследователей разнятся: кто-то восхищается продуманной политикой власти, оправданной временем, кто-то жалеет об упущенных возможностях и стертом колорите в угоду европейским стандартам (последнее, в частности, свойственно авторам по истории Фессалоник).

В отечественной историографии тема греческого города в первой трети XX в. поднималась изредка и зачастую в рамках крупных исследовательских работ. В частности, Т. В. Никитина — специалист по истории Греции периода нахождения у власти правительства Э. Венизелоса — затрагивала вопросы модернизационных изменений в промышленности, культурном позиционировании страны, подчеркивая особую устремленность греческой власти к европеизации греческого быта в большинстве сфер жизнедеятельности государства². Изменение общественного климата, поиски себя в обновленном мире, итоги малоазийской катастрофы детально изучала и О. Е. Петрунина³. Именно ей принадлежит точное определение обескровливания греческой общественно-культурной мысли после малоазийских

---

¹ В результате поражения греческой армии в военной кампании против Турции 1921–1922 гг. греки были вынуждены покинуть родные им земли Малой Азии. В 1923 г. на Лозаннской мирной конференции между Грецией и Турцией был подписан договор о принудительном обмене населением. В историю эти события вошли как «Малоазийская катастрофа» — катастрофа человеческих судеб, катастрофа греческой политики и идеи объединения всех эллинов в едином государстве, катастрофа эллинизма, навсегда покинувшего берега Малой Азии.

² Никитина 2002a; Никитина 2002b; Никитина 2022.

³ Петрунина 2010.

событий, выразившееся в отрыве культурной элиты страны от национальных корней, противопоставлении этого «бесконечного духовного поиска» патриотически настроенному укладу и мыслям новоприбывших греков-малоазийцев. Мною опубликовано исследование о греческом городе первых десятилетий XX в.⁴ в контексте миротворческого движения на Балканах. Обращение к очеркам балканских корреспондентов журнала *Les Balkans* («Балканы») позволило дать вторую жизнь воспоминаниям путешественников и местных жителей, живописавших современный им, быстро менявшийся уклад жизнь греческой столицы. На их основании и с привлечением других источников — прежде всего журнальных публикаций, фотографий, заметок путешествующих иностранцев — мне удалось воссоздать яркий и колоритный мир Афин межвоенного времени.

В 2007 г. Борис Яковлевич Фрезинский издал книгу, посвященную фотографическим опытам известного советского писателя и журналиста Ильи Эренбурга (1891–1967). Прозаик и фотограф в одном лице, Эренбург много путешествовал по территории Европы начала XX в., был проездом и в Греции как раз после малоазийских событий (конец 1920-х годов). Его статьи и фотографии явились богатой информационной базой для исследования жизни межвоенной Греции, в том числе повседневной среды, городского быта греческих граждан. Рассматривая и анализируя эти материалы в совокупности с воспоминаниями современников, сопоставляя их с историографией вопроса, удалось расширить поле для исследования городского ландшафта Греции 1930-х годов, в том числе в рамках формулы модернизация/европеизация — восточное прошлое/малоазийское наследство. Появилась возможность увеличить и географические рамки — кроме столицы, к изучению были привлечены Фессалоники, а также малые центры Эллады.

«Без грусти я покидаю новые Афины», — написал в конце 1920-х годов в дневнике Илья Эренбург.

Меня мало занимает судьба преемников Пангалоса⁵, и я не люблю колонии. Без грусти покидаю я и Акрополь. Лучше жить вдали от этих камней! Прежний порядок давно разрушен. Новые элементы вошли

⁴ Лубоцкая 2008.

⁵ Пангалос Теодорос (1878–1952) — греческий генерал, политик, диктатор. В 1926 г. на краткий период занял пост президента и премьер-министра Греции.

в наши сердца и в наши дни. Жалким должно казаться с высот акропольского холма суетливое бестолковое искусство современности. Оно далеко и от мудрости, и от вечности, это мигание электрической лампочки или одышка автомобиля. Но кроме территориального патриотизма существует патриотизм времени. Он тоже деспотичен и глуп. Он заставляет предпочесть тривиальную пароходную каюту Палладе и паросскому мрамору⁶.

Слова молодого Эренбурга, впервые посетившего Грецию в конце 1920-х годов, — это не просто дань времени европейски образованного интеллигента, тонко иронизирующего писателя. От Греции ожидали многого — и слишком часто обманывались в высоких идеалах и представлениях. Как писал Эренбург уже позднее: «Тяжело жить стране, обремененной исключительной биографией»⁷. Или так:

Тяжесть имен уничтожает людей, созданных для анонимного счастья, для мелкой ренты и для мелкой игры — по копейке за очко. Наверное, в соседней Болгарии — та же модистка Софи, те же трели Лакмэ <...>. Никого это не удивляет. Болгария, Иванов. Что с Иванова взыщется?.. Грекам же ничего не прощаешь⁸.

Греки остро чувствовали этот надлом в восприятии Эллады мировым сообществом. Чтобы подняться хотя бы на ступеньку ближе к великим предшественникам, в конце XIX — начале XX в. в общественно-политической среде Греции созрела трехсоставная задача: во-первых, бесспорной становилась линия на тесную привязку к европейскому пути развития, во-вторых, культивировался и воспевался идеал именно античной цивилизации как золотого времени всех эллинов, в-третьих, из жизни страны настойчиво вытеснялись восточные традиции и привязанность к восточному быту (кулинарным рецептам находились исключительно греческие корни, преследовалась и не поощрялась восточная музыка — прежде всего ребетика, обретшая с притоком малоазийцев общенародную славу). Примечательными в данном отношении были слова греческого исследователя Статиса Гонтлета, отметившего, что Греция, как государство-сателлит, с момента основания в 1820-х годах постоянно стремилась

⁶ *Эренбург И.Г.* Виза времени: путевые очерки. Берлин: Петрополис, 1930. С. 141–142.

⁷ *Эренбург И.* В Греции // Известия. 1934. 18 X. № 245.

⁸ *Эренбург И.Г.* Виза времени. С. 139.

доказать своим покровителям (и самой себе) непреходящую ценность собственного существования, а именно, важную роль проводника западных ценностей на южных Балканах, а также хранительницы классического эллинского наследия, на основах которого была построена вся ценностная структура западного мира⁹.

Поворот к Европе в политике Греции начала XX в.

Безоговорочный поворот к Европе, строительство государства по европейскому образцу наиболее ярко отразились в эпохе либерального правительства Э. Венизелоса, мечтавшего о «Великой Греции». Реформы либералов затронули политическую, военную, аграрную, налоговую и образовательную сферы. В отношении последней Т. В. Никитина отметила:

В дополнение к реформе образования в стране стала распространяться английская культура. Из Англии выписывались гувернантки, в Афинах открылся Британский колледж, а в столичном университете был сформирован профессорский состав для преподавания английского языка. Так создавалась «новая Греция», ориентированная на Запад¹⁰.

Вестернизация Греции — как панацея от восточных корней — была характерна в те годы для многих сфер общественно-культурной жизни. Она находила отклик в греческой литературе, науке, искусстве. Не обошли попытки модернизировать на европейский манер даже духовно-религиозную сферу. В частности, в начале XX в. в Греции огромную популярность приобрело движение православных братств, выступавших за обновление церковной жизни, освобождение ее от канцеляризма и жесткой привязки к государству. Членами братств могли быть как носители сана, так и миряне. Одним из наиболее известных стало «Братство богословов “Зои”». Благодаря их деятельности наступил расцвет духовно-просветительской деятельности православной церкви, но вместе с тем в работе «Зои» были отмечены и серьезные недостатки: выхолащиваемое отношение к богослужениям, принятие миссионерской практики западноевропейского

---

⁹ Gauntlett 2022.

¹⁰ Никитина 2022: 425.

образца¹¹. Бессмысленное преклонение теперь уже греческого клира перед папским Западом и его традициями с грустью отмечал в 1930-е годы и бывший малоазийский беженец, талантливый греческий писатель, художник-иконописец Фотий Кондоглу (1895–1965). По мнению последнего, многие служители культа, богословы стремились к обновлению религиозного сознания, но обновление видели исключительно в прозападном ключе: украсить себя взятыми с Запада фальшивыми бусами, сбросив при этом настоящее драгоценное ожерелье греческой иконописи и таинственной музыки.

Почтенное искусство иконописи Восточной Православной Церкви является священным и литургическим искусством, как и все церковные искусства, имеющие духовное назначение. Эти святые искусства не хотят просто украшать храм картинами, чтобы он был приятен и угоден прихожанам, или услаждать их слух музыкой, но возносить их в мистический мир веры по духовной лестнице <...>. По этой причине произведения церковного искусства Восточной Церкви являются памятниками божественного слова¹².

Греческие города и реформы. Афины

Стремлением к обновлению была отмечена и жизнь крупнейших городов Греции, прежде всего столицы. Безусловно, и ранее предпринимались попытки осовременить жизнь греческих городских центров. Исследователи выделили два периода: администрации Иоанна Каподистрии (1828–1832 гг.) в первые годы правления короля Оттона (1833–1843 гг.) и второй — с 1856 по 1912 г. Однако тогда первоочередными являлись задачи не столько следования европейским образцам и смены восточного облика (хотя и такие попытки предпринимались, в частности, в перепланировке центральных улиц), а в усилении фортификационной функции городов, создании условий для размещения новых горожан, а также в интенсификации деловой активности. С достижением этих целей начался новый период в модернизационной градостроительной политике власти.

Приглашение известных архитекторов, обучение греков в европейских университетах, контакты с зарубежными специалистами,

---

¹¹ Зоитакис, Тимонина 2024.

¹² Κόντογλου 1960.

в целом климат эпохи, создаваемый правительством либералов, формировали необходимые каналы связи¹³.

Историк Вильма Хастаоглу подчеркнула:

Именно государственная политика Либеральной партии во главе с Э. Венизелосом заложила фундамент новой городской действительности, нового восприятия города и его жизни¹⁴.

Менялся внешний облик горожан, менялись средства передвижения, городской ландшафт. На центральных улицах и площадях Афин редким гостем становился деревенский выючный транспорт, вместо него появлялись новые экипажи, совершенствовалась и городская мода: вместо привычной обывательской одежды в обиход входили модные европейские платья и туалеты. Как тут не вспомнить о едких и ироничных замечаниях И. Эренбурга, страдавшего от печального несоответствия величия греческой истории и поддельного европейского шика в жизни афинского люда конца 1920-х годов:

[В] Афинах — только камень, пыль и коленкоровые цветы в витринах парижской модистки Софи (это и есть упомянутая мадам Пунадаки). Конечно, в Афинах все парикмахеры изыскаются по-французски, и что ни шаг, то “английский портной”. Однако постоянного театра в Афинах нет. Приезжают иногда итальянцы, ставят “Аиду” или “Лакмэ”. Это событие чрезвычайной важности. Целый месяц после гастролей греки пьют в “кафэйоне” воду и переживают блеск колоратуры¹⁵.

О кофейнях, как и об особой любви к ним греков, необходимо сказать отдельно. Кроме Эренбурга, кофейное пристрастие жителей Афин отмечали и другие советские писатели, в частности, Илья Ильф (1897–1937) и Евгений Петров (1902–1942). В коротком рассказе «День в Афинах» (1936 г.) они с улыбкой подметили:

Обычно на городских площадях стоят памятники, либо бьют фонтаны, либо находятся стоянки автомобилей. Но в Афинах многие площади сдаются под кафейни. Столиков в городе так много, что если бы все торгующее население Афин бросило свои неотложные дела

¹³ Χαστάογλου 1988: 100.

¹⁴ Χαστάογλου 1988: 100.

¹⁵ *Эренбург И. Г.* Виза времени. С. 142.

по продаже лотерейных билетов и старых лезвий и уселось бы в кафе-фейнях, то и тогда осталось бы еще много свободных мест¹⁶.

Кофейни — как отличительная характеристика столичной жизни — сохраняли в себе, как Янус, двойственное лицо современной Эллады. С одной стороны, они были неразрывно связаны с прошлым, являясь данью восточной традиции, когда исключительно мужчины могли проводить свободное время за чашкой кофе и игрой в нарды. С другой — расширение площади кофеен на все свободное пространство города являлось своеобразным символом приобщения столичных греков к красивому европейскому времяпрепровождению за чашкой кофе на свежем воздухе в окружении открытых веранд. Впрочем, столики и запах кофе на площадях столицы стали не единственным маркером обновления и европеизации города.

В 1914 г. в Грецию прибыл английский архитектор Томас Моусон (1861–1933) для разработки градостроительного проекта в Афинах, а также французский архитектор Эрнест Эбрар (1875–1933) для совместной работы с английским коллегой по проектированию Фессалоник, а впоследствии и для реконструкции Восточной Македонии.

Изменения, произошедшие в центре столицы, были заметны невооруженным глазом. Воспринимались они по-разному: иногда с восторгом, а порой и с отчетливой грустью. Например, путешественник Ч. Попов, представитель болгарской делегации на Балканских конференциях (1930–1933 гг.), так описывал свое знакомство с городом:

Когда мы прибыли, очарование столицы подействовало на нас. Мы были восхищены всем, что мы видели в Афинах. Это элегантный, жизнерадостный, освещенный город, который смело можно поставить в сравнение с прекрасными городами Запада. Мы не видели, за редкими исключениями, больших зданий. Все сооружения имеют современные пропорции и очень красивы. Мраморный Акрополь доминирует над столицей, несравненные линии пропилей и монументов, возводимых древними греками, внесли свой неповторимый шарм в художественные концепции нынешних градостроителей¹⁷.

О современном облике Афин упоминал и греческий архитектор Д. Триподаки:

---

¹⁶ Ильф И., Петров Е. День в Афинах // Собрание сочинений: в 5 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. Т. 4. С. 524.

¹⁷ Попов Ч. Un voyage à Athènes // Les Balkans. 1932. № 10. P. 228–229.

Я нашел Афины, мой родной город, как всегда солнечным, но отныне взволнованным жизнью современной, интенсивной, переливающейся через границы спокойного, обыденного существования¹⁸.

Триподаки мечтал увидеть Афины «городом будущего с прямой автострадой, соединяющей центр города с отдаленными пригородами, широкими тротуарами для пешеходов и дорогами для машин, вдоль которых — аллеи и парки»¹⁹. В свою очередь болгарский путешественник, участник миротворческого движения на Балканах в 1930-е годы Ал. Франгия, сравнивая жизнь столицы Греции с обликом и бытом болгарских городов, критично заметил: Афины пусть и «ребенок западной цивилизации», но «с восточными чертами лица»²⁰. Объяснение этому автор давал в следующих строках: «С одной стороны, вы увидите западный комфорт, движение по огромным улицам, порядок и чистоту, с другой — традиции и обычаи Востока, очень приближенные к нашим»²¹.

Небольшую заметку об изменившемся облике столицы оставил в письменных отчетах президенту Франклину Делано Рузвельту (1882–1945) и американский посол в Греции Линкольн Маквей (1890–1972). В письме 1936 г. он написал: «Огромное количество населения сконцентрировано сегодня в Афинах, строительный бум в которых внушает серьезное беспокойство»²².

Не менее разноречивыми были и впечатления российских писателей. Для И. Ильфа и Е. Петрова Афины сохраняли очарование солнечного южного города, теплого в своей простоте и обыденности:

Несмотря на борщ, гимназическую фиту, одесский запах каленых орехов и каштанов, несмотря на батумско-тифлисский вид чистильщиков сапог с их ящиками, обитыми медью — это был совершенно чужой теплый мраморный город, окруженный голыми розовыми холмами²³.

Здесь, в Афинах, встречались продавцы, «размахивавшие палками, на которых висели длинные ленты неразрезанных лотерейных

¹⁸ *Tripodaki D.* Athènes de demain // *Les Balkans*. 1931–1932. Vol. IV. № 8–9. P. 42.

¹⁹ *Ibidem*.

²⁰ *Franghia Al.* Deux peuples qui doivent se connaître // *Les Balkans*. 1933. Vol. IV. № 8–9. P. 226.

²¹ *Ibidem*.

²² *Ambassador MacVeagh Reports: Greece, 1933–1947* / ed. by J.O. Iatrides. Princeton: Princeton University Press, 1998. P. 80.

²³ *Ильф И., Петров Е.* День в Афинах. С. 521.

билетов», «кривая и грязная улица Фемистокла», кафе «Посейдон», кино «Пантеон», меблированные комнаты «Парфенон». Здесь Афины с портом Пирей соединял старомодный электрический поезд, «в котором есть первый и третий классы, но почему-то нет второго». Как подытоживали свои ощущения Ильф и Петров: «Афины, провинциальные Афины, где так много нищеты, солнца, древнего величия и революционной страсти»²⁴. Более безжалостным и субъективным в выводах был молодой Илья Эренбург. Для него преобразование столицы проводилось импульсивно, зачастую в угоду имиджевым или внутривластным причинам.

Запахом Афины чрезвычайно напоминают Гомель. Столицу Греции сближает с нашим, чуждым античному миру, городом отсутствие канализации и специфичность кухонных запахов. Однако, в Афинах имеется улица, где жил (до тюрьмы) Пангалос и где живут иностранные послы, снабженная всеми необходимыми трубами. На этой истинно счастливой улице действует даже водопровод. На прочих улицах вода идет изредка, как происходят перевороты²⁵.

Эренбург не нашел в современных ему Афинах ничего прекрасного, но однако ж эти едкие слова плохо сочетались с реальностью. Пуск не быстро, но в столице решался вопрос со стабильным водоснабжением и канализацией. В частности, в 1925 г. муниципалитетом Афин было построено два крупных канализационных трубопровода на улицах Марни и Паиониу. А в 1930 г. было завершено строительство канализационного трубопровода для ручья Пророка Даниила (западная окраина современного муниципалитета Афин), конечным приемником которого стала дельта реки Фалираки. Государство активно поддерживало изыскательную деятельность, направленную на строительство канализационных и дождевых коллекторов. И в 1933 г. поручило проведение исследования консорциуму подрядных компаний, известному как *Athens and Surroundings Sewer Construction Company* («Компания по строительству канализации в Афинах и окрестностях»), позднее переименованному в *Hydrex*, для строительства подобных сооружений. Что касается вопроса водоснабжения столицы, то его актуальность стала очевидной в условиях

---

²⁴ Там же. С. 528.

²⁵ Эренбург. И. Г. Виза времени. С. 138.

малоазийской катастрофы и нарастающего числа вынужденных переселенцев.

Уже 23 декабря 1924 г., после многочисленных споров греческим правительством был подписан контракт с американской компанией *Ulen & Co* и Банком Афин, а в 1925 г. в Афинах началась реализация первых современных проектов водоснабжения. Согласно контракту, *Ulen & Co* взяла на себя строительство, обслуживание и эксплуатацию трубопроводов Афин, Пирея и прилегающих территорий. Была основана и Компания по водоснабжению Афин и Пирея, а также прилегающих территорий (*АЕЕУ*). Как итог, в конце 1920-х годов построили плотину Марафон на северо-востоке Аттики в месте слияния рек Харадрос и Варнава, а в 1931 г. открыли новую систему водоснабжения столицы из озера Марафон по тоннелю Бояти. Таким образом, была усовершенствована система обеспечения города водой, и, конечно же, правительственная политика модернизации столицы в части водоснабжения не подчинялась сиюминутным прихотям или престижу, как подозревал Эренбург.

А вот на что следует обратить внимание в словах советского писателя, так это на его упоминание о запахах города. Интересную заметку оставила в письмах к брату великому князю Константину Константиновичу (1858–1915) греческая королева Ольга (1851–1926). В сентябре 1884 г. она писала:

Посылаю Тебе часть письма *Messala* к Котинке, с поэтичным описанием пожара старого рынка, под Акрополью. С точки зрения живописности, жалко, что он сгорел — но в гигиеническом отношении, это довольно хорошо; пока глаза радовались, нос бедствовал²⁶.

Безусловно, рынки являлись и остаются особой территорией с соответствующим их роли ароматом. Однако, объединяя этот фрагмент с воспоминаниями Эренбурга, понимаешь, что в центре старого города сохранялась колоритная атмосфера, связанная с густонаселенностью столицы, жарким климатом и едкими ароматами еды и кухни.

Наконец, нельзя обойти вниманием городские пожары: в конце XIX — начале XX в., несмотря на развитие и модернизацию

²⁶ Письмо № 22, 26 августа (7 сентября) 1884 г. // Бумаги Королевы Греции Великой Княгини Ольги Константиновны / сост. Т. А. Лобошкова. М.: Буки Веди, 2023. Кн. 3. Письма Королевы брату Великому князю Константину Константиновичу за 1884–1885 гг. С. 99.

пожарного дела, они действительно становились главной причиной городского переустройства, особенно в скученных районах проживания. Такую роль, например, пожар сыграл в судьбе северной столицы Греции — Салоник, вошедших в состав греческого государства в 1913 г. по итогам двух Балканских войн.

Салоники

Османские Салоники — бело-зеленый город-порт, малая проекция густонаселенной и разнородной Османской империи — были воспеты многими. Сугубо восточный город, окаймленный массивной крепостной стеной, он начал меняться еще при власти османов. По итогам визита турецкого султана Абдул Меджида (1839–1861 гг.) в 1858 г. город решено было благоустроить, по возможности расширив городское пространство и улучшив санитарную обстановку. В 1869 г. сравняли с землей часть византийских укреплений (крепостную стену со стороны залива): печальной судьбы удалось избежать лишь одной башне — Канли-куле (в переводе «Кровавая башня») — бывшей тюрьме и месту пыток осужденных. Башня была побелена и из «башни крови превратилась в Белую башню»²⁷, известную и по сей день жителям и туристам Салоник. Были проложены новые дороги и расширены существующие, построены железнодорожные ветки, соединившие Салоники с Белградом, Константинополем. Все это повлияло на рост производства в аграрном и скотоводческом секторах Македонии и Фракии, а «Салоники превратились в важнейший торговый узел для всей Центральной Европы и Востока»²⁸. Появилось трамвайное сообщение — поначалу на конной тяге. Как отметил автор книги по истории города Апостолос Папаяннопулос (1939–2004):

Вид Салоник в последние годы XIX в. был поистине прекрасен. Его дома, белые минареты, высокие кипарисы и огромное количество деревьев создавали Салоникам удивительно гармоничный и прекрасный образ²⁹.

---

²⁷ Παπαγιαννόπουλος 1982: 166.

²⁸ Παπαγιαννόπουλος 1982: 166.

²⁹ Παπαγιαννόπουλος 1982: 166.

Поэтичное воспоминание, лебединую песнь о городе своего детства оставил и еврейский писатель Леон Сциаки (1893–1958). Его книга «Прощайте, Салоники» впервые была издана в США в 1946 г. Примечательно, что в 2000 г. ее переиздали в Стамбуле под названием «Прощайте, османские Салоники», и причина изменения названия понятна. Леон Сциаки рисовал город — часть Османской империи — как душевную общность людей всех национальностей в красивом обрамлении церквей, минаретов, фонтанов, рынков и кипарисов с акациями. Так он описывал место работы одного из знакомых семьи — Хареби Саламонатчи:

Двери его конторы встречали многих посетителей — разнородных и многоязычных, как и сама Македония: турецкие беи, албанцы из региона Монастира и Скопье, эллинизированные куцовлахи из Сере, болгары из Килкиса, греки из Драмы, испанские евреи из города³⁰.

И хотя Леон Сциаки признавал, что долгое соседство так и не смогло разрушить культурные, лингвистические и духовные барьеры между разными народами, писатель очень по-доброму относился к османскому руководству:

Вопреки общепринятым представлениям, мусульмане были более толерантны в отношении других национальностей, чем христианский мир, и именно с приходом турок в Европу местное еврейское население получило возможности к развитию и росту³¹.

Что касается непосредственно города, изменений в его среде, Л. Сциаки подчеркнул, что в начале XX в. Салоники преобразились:

В городе появилось электричество, осветив центральные улицы, общественные здания и даже некоторые дома. Недолго слышался с улиц хриплый рев конок. Американские трамваи заменили старые средства передвижения, и теперь они радостно звенели под Триумфальной Аркой Галерия и в тени Белой башни на набережной³².

Военные события 1912–1913 гг., трагедии человеческих судеб, миграционные волны, смена жизненных обстоятельств заставили

³⁰ *Sciaky L. Farewell to Ottoman Salonica. Istanbul: Isis Press, 2000. P. 36.*

³¹ *Ibid. P. 85.*

³² *Ibid. P. 134.*

семью Сциаки покинуть Салоники и переселиться в США. Однако до последнего старшее поколение мечтало о возвращении домой:

Но куда было возвращаться? — задавался в эпилоге автор книги. — Салоники, наши Салоники, город многолюдных улиц, обрамленных шумными кафе и базарами, город небольших кривых улочек, извивающихся и петляющих вверх к лениво дремлющим площадям, осененных древними платанами, где дедушка и я любили остановиться в кафе во время послеобеденной субботней прогулки, город побеленных домиков, чьи решетчатые окна лениво обозревали прохожего, этого города нашего детства больше не существовало. Вновь злополучная судьба, которая преследовала его в течение веков, постигла македонскую столицу. Пожар, начавшись в одном из самых дальних предместий города светлым августовским днем 1917 г., быстро превратился в страшное всепоглощающее чудовище: потребовалось меньше суток, чтобы западнее Белой башни от города осталось лишь поле из почерневших руин и обугленных бревен³³.

Огненная катастрофа августа 1917 г. стала поистине горькой, черной страницей в истории Салоник. Так описал начало пожара военно-морской инспектор французского флота Рене Дюфур де ла Тюильри (1874–1943):

Это было в субботу днем, я был в Военно-морском управлении на улице Саламинас, напротив Генерального штаба Союзной армии, когда узнал, что загорелся дом на западе города недалеко от городских стен. Огонь — это не новость, ординарное событие на Востоке из-за своей частоты. Еще одна хижина, жалкий доходный дом. Но на этот раз распространился слух, что горит большой комплекс домов и масштаб разрушений может достичь катастрофических размеров. Приблизившись, я увидел ряд домов, охваченных огнем и отчаянием. Мужчины, женщины, дети, старики бежали по переполненным улицам с наспех собранными вещами, а грабежи уже начались. Никакой охраны, ни воды, ни насосов, ни электричества. К восьми часам полгорода было объято пламенем³⁴.

В пламени сгорело 120 гектаров самой важной, с точки зрения исторической застройки, городской земли, 9 500 зданий, среди которых

³³ Ibid. P. 166.

³⁴ *Dufour de La Thuillerie R. De Salonique à Constantinople: souvenirs de la division navale d'Orient, 1916–1919. Paris: J. de Gigord, Editeur, 1921. P. 31–32. См. также: Караджини-Геролуццу 1985: 133.*

большое количество синагог, мечетей и христианских церквей, таких как Агия Феодора (святая Феодора), Агиос Николаос о Транос (святого Николая Могущественного), сильно пострадал храм покровителя города Агиоса Димитрия (св. великомученика Димитрия Солунского)³⁵. Как отметила греческая исследовательница Александра Еролимпос:

[Пожар] уничтожил особый колорит и традиционную планировку Салоник, которые продолжали существовать, несмотря на попытки модернизации на рубеже веков. Разрушения без разбора поразили районы, благоустроенные в последние годы XIX в., традиционные рынки и большое количество жилой собственности, в результате чего 70 тыс. человек остались без крова, три четверти из которых были евреями³⁶.

Существовало множество теорий о причинах произошедшего бедствия, бытовала и версия поджога. Однако если и существовало злонамеренное действие, территория поражения огнем была слишком велика, чтобы обнаружить следы какого-либо внешнего воздействия. Изучая сохранившиеся доклады полиции, переписку частных лиц, современные историки выделили несколько причин пожара, быстрого распространения огня и гигантской площади разрушений. Среди них: долгое отсутствие дождя, сильный северо-западный ветер, нехватка воды из-за огромного спроса военных лагерей (в Салониках располагались части союзнических войск Англии, Франции); отсутствие организованной противопожарной защиты, непосредственно план города и материалы, из которых были построены здания, и, наконец, «пожарное рвение военных». Как подчеркивала та же Александра Еролимпос, «в своих усилиях по созданию противопожарных полос солдаты взрывали целые городские кварталы, которые немедленно превращались в очаги новых пожаров»³⁷.

Старый город с его мультикультурностью, помноженной на особый восточно-еврейский шарм, ушел в прошлое. Сразу же после пожара правительством Венизелоса было принято решение о восстановлении и реконструкции Салоник.

³⁵ Yerolympos 2007.

³⁶ Yerolympos 2007.

³⁷ Yerolympos 2007.

Неслыханная серьезность, с которой либеральное правительство приступило к полной перепланировке центральной части города, подчеркивало склонность лидеров решительно вмешаться в новую судьбу Салоник. Учитывая самые последние идеи и методы городского планирования и решив игнорировать существующую ситуацию и традиционное землепользование, руководство страны хотело использовать перестройку Салоник как стимул для его социальной, экономической и пространственной модернизации, чтобы провести политику реформ и подчеркнуть свое политическое присутствие в Салониках, одновременно привлекая международный интерес к амбициозному начинанию³⁸.

Ответственным за восстановление Салоник был назначен министр путей сообщения Александр Папанастасиу (1876–1936). Политик, получивший блестящее образование в Европе, знавший пять европейских языков, мечтал превратить Салоники в один из современных европейских городов, красивых и совершенных по планировке и архитектуре. Его чаяния полностью совпадали с планами центрального правительства: Венизелос не желал восстановления прошлого облика города, и все пострадавшие здания были назначены под снос. Салоники должны были стать обновляющейся, стремящейся к прогрессу и европейскому шику северной столицей Эллады.

Благодаря быстрым продуманным решениям, созданию международного комитета для разработки градостроительного плана, поддержке высококвалифицированных архитекторов, в частности уже упоминавшихся француза Э. Эбрара и британца Томаса Моусона³⁹, многое из задуманного удалось реализовать на практике.

Менее года потребовалось на формирование нового градостроительного плана, воплотившего в себе большую часть актуальных на тот момент тенденций в организации городского пространства. Были введены классические деления — оси, диагонали; определены промышленные, жилые и рекреационные зоны, произведено выборочное выделение памятников и сохранение ряда «живописных» жилых кварталов. Базовым элементом стал геометрический блок застройки, заменивший нерегулярную структуру улиц, их подобие тонким и запутанным лабиринтам. Организующим центром города

---

³⁸ Yerolympos 2007.

³⁹ Моусон был приглашен по настоятельному требованию Венизелоса, дабы уравновесить французское влияние в градостроительной комиссии и не обидеть союзников страны — англичан. См.: Караджидиу-Геролиму 1985: 154.

должны были стать две площади: «правительственная», вмещающая все административные здания (ныне площадь Венизелоса), и нынешняя площадь Аристотеля. Их планировалось соединить бульварами, перпендикулярными морю. «Неовизантийский» стиль предписывался в качестве обязательного для постройки зданий внутри площадей и связанных с ними улиц.

Стоит сказать, что немалая часть проекта осталась под сукном, однако многое было и сделано. Недаром «первый крупный проект европейского городского планирования XX в.» и «крупнейший проект городского планирования, когда-либо реализованный в Греции»⁴⁰, стал визитной карточкой Папанастасиу на министерском посту.

В результате переустройства и перепланировки Салоники стали более светлыми, современными, европеизированными, но потеряли свою особость, тесно переплетенную с восточным прошлым и самобытными традициями. Как отметила Александра Еролимпос: «Традиционный образ Салоник исчез, будучи замененным на “современное” однородное пространство без предыдущих определяющих черт»⁴¹.

Изменился и национальный облик Салоник. Уехали турецкие семьи. С 1910-х годов начался медленный отток еврейского населения из города, пожар лишь ускорил эту тенденцию. Уничтожение жилой собственности, новая политика греческой власти, ее стремление гомогенизировать население Салоник повлияло на возросшие миграционные волны сефардских (испанских) евреев. Кто-то, как семья Леона Сциаки, перебирался в США, кто-то пробовал найти себя на землях Палестины.

Окончательно колоритная страница истории еврейских Салоник была перевернута во время Второй мировой войны: большинство еврейских жителей были депортированы или уничтожены. По официальным данным, из 73 тыс. евреев, проживавших на территории Греции в 1941 г. (львиная доля еврейского населения приходилась именно на Салоники), лишь 17 % удалось избежать «нацистской машины уничтожения». Порядка 8,5 тыс. смогли укрыться в горной местности, 2 тыс. выехали на Ближний Восток, столько же вернулись в 1945 г. из Аушвица (Освенцима) и других немецких концлагерей.

---

⁴⁰ Караδής-Γερολύμπος 1983: 80.

⁴¹ Yerolympos 2007.

Малые города

Волна стремительных преобразований решительно прошла по крупным городам Эллады первой трети XX в. Модернизационные изменения затронули не только столицу, но и промышленные, портовые центры страны. Разрасталось промышленное производство, появлялся рабочий класс, видоизменялся облик городов, принимающих рабочий люд и тех, кто искал применения своим силам на производстве и в сфере финансов. Одним из ярких тому примеров стал город-порт Кавала — один из центров табачного производства Греции. Именно здесь еще в 1860 г. братья Кинни — владельцы бренда *Sweet Caporal* — построили огромный табачный склад. Их примеру последовали и другие, в частности, австро-венгерская компания *Herzog et Cie* также открыла в Кавале собственное складское помещение. На складах не только хранили табак, здесь же ручным способом его обрабатывали и готовили к отправке в различные европейские города.

В начале XX в. в условиях модернизации повышенная экономическая и финансовая активность привела к стремительному рывку в развитии Кавалы. Строились новые склады, вокруг которых формировалась собственная среда. Возводились недорогие помещения для рабочих, сохранялись и обычные трущобы, параллельно с этим обустраивались богатые дома местной буржуазии. Появлялись отели и дорогие рестораны. Как написала исследовательница Мария Рентеци: «Будучи построенным на холме, расширяясь, город принимал форму амфитеатра, в центре которого полукругом расположилось табачное производство»⁴².

Строительство фабрик, рабочие поселки на фоне дорогих и роскошных вилл местной буржуазии, меняющийся городской ландшафт, европейская мода, разветвленная дорожная сеть — все это являлось маркерами стремительно-развивающейся, модернизирующейся Греции. Однако таких городов-маркеров было не так уж и много. Эллада оставалась бедной аграрной страной⁴³. Безусловно, столичная мода влияла на небольшие города Греции. Это прекрасно видно на фотографиях первой половины XX в.: здания возводились по новым

⁴² Рентеци 2020: 43.

⁴³ Лубоцкая 2008: 224.

образцам архитектурного стиля, прокладывались дороги, появлялся современный транспорт, менялась мода у населения. Но все же малые города, в том числе пригороды Афин в начале столетия оставались верными хранителями старины, патриархальных традиций, носителями восточного колорита. Недаром вновь посетивший в 1934 г. Элладу Илья Эренбург описывал в теперь уже более мягких формулировках быт нестоличной, милой ему городской жизни:

Мы несправедливы в наших суждениях. Нас оскорбляет, а может быть, и смешит размолвка между мрамором музеев и этой пестрой, крикливой, самой что ни на есть живой жизнью. Удивительно, что Фивы — попросту поселок, где все всем торгуют, где посредине главной улицы на вертеле жарятся поросята, где агент страхового общества жует рахат-лукум и перебирает четки, где фотограф снимает новобрачную в сильно потрепанной фате и где красномордый поп пьет вино, пахнущее смолой, удивительно, что все это — Фивы. Правда, сторож, охраняющий развалины элевсинского храма, говорит об исчезновении Персефоны, как о свежей городской сплетне, но таково его ремесло⁴⁴.

Сохранившиеся фотографии, сделанные рукой увлеченного писателя Эренбурга, заставляют поверить в красочность образов описанной им действительности. На снимках мы видим узкие каменные улочки с невысокими побеленными домишками. Жизнь на этих улицах кипит, жизнь небогатая, наполненная каждодневными заботами и трудами. Мужчины в брюках и пиджаках, женщины в длинных домотканых платьях, старшее поколение — в темных платках на голове⁴⁵.

Скромным успехам в модернизации городской среды малой (нестоличной) Греции способствовали многие факторы: во-первых, греческое государство было бедным. Полученные в 1924 г. международные займы в большинстве своем ушли на расселение беженцев. Тем не менее у либерального правительства кроме забот о поселении малоазийцев, значились не менее глобальные проекты — модернизация флота и армии, промышленности, существовали широкомасштабные ирригационные проекты в новоприсоединенных землях Македонии. Однако, как отметила Т. В. Никитина:

---

⁴⁴ Эренбург И. В Греции.

⁴⁵ Фрезинский 2007: 108–109 (Фотографии 31–35).

На пути осуществления намеченной программы правительство испытывало серьезные преграды финансового характера. Иностраный, преимущественно английский, капитал навязывал Греции кабальные условия⁴⁶.

Для того, чтобы в данных условиях модернизировать города по европейским меркам, проложить необходимое количество дорог, связав страну прочной сетью дорожного сообщения, у правительства просто не было возможности⁴⁷. Тем не менее некоторые попытки предпринимались. В частности, американский посол в Греции Линкольн Маквей сумел посетить во второй половине 1930-х годов самые отдаленные места греческой земли и с удивлением отметил наличие дорог, отсутствовавших в недалеком прошлом. Правда, объяснение с его стороны было простым — дороги строились для военных нужд.

Второй причиной слабой модернизации малых городов Греции являлось отношение местных жителей к новинкам и нововведениям. К европеизированному облику жизни тянулась общественно-политическая элита столиц, восприимчивая к новомодным тенденциям Запада. Простые жители малых удаленных городков были ближе к земле, повседневной рутине и заботам. В-третьих, не последнюю роль в сохранении восточного колорита малых городов Греции сыграла малоазийская катастрофа 1922 г., когда более полутора миллиона греков-малоазийцев принудительно были переселены на территорию Эллады. Новые жители страны внесли весомый вклад в развитие промышленности, ремесленного производства, фермерства. Следует признать значение городской прослойки беженцев — образованной и порой более эрудированной, чем греческие горожане, — для культурного развития малых городских центров.

Вследствие малоазийского переселения произошли изменения в градостроительной политике власти, направленной на расселение огромной массы новоприбывших. В 1923 г. была создана специальная комиссия по расселению беженцев, стране были предоставлены огромные суммы займов со стороны европейских партнеров, прежде всего Англии. Пригороды крупных городов покрылись невиданной ранее сетью многоэтажных однотипных построек,

---

⁴⁶ Никитина 2022: 428.

⁴⁷ Ambassador MacVeagh reports. P. 11.

не соответствующих ни местным традициям, ни стилям прошедшего века⁴⁸. По всей стране возникали новые поселки, центрами которых становились вновь возводимые на средства беженцев церкви. Однако возможности комиссии, как и государственные финансы, резко ограничивало колоссальное количество переселенцев. Чтобы хоть как-то решить проблему жилья, малоазийцев селили в пустых зданиях, бараках, заводских корпусах. Но даже этих построек не хватало. Так описал попавшееся на глаза пристанище беженцев румынский общественно-политический деятель и историк Николае Йорга (1871–1940): «Обычный азиатский поселок, где женщины завешивают жилище занавесками вместо стен, и дети ужасно шумят на улицах»⁴⁹. О плохих жилищных условиях писал и бывший премьер-министр Греции Александрос Папанастасиу (1876–1936), рассказав о том, что многие семьи городских беженцев живут в бараках, палатках и шалашах из шерсти, в школах и церквях⁵⁰. И совсем страшную картину создал И. Эренбург:

Вокруг Афин ютятся десятки тысяч беженцев из Малой Азии. Они вымирают от тифа и дизентерии. Тщетно они ищут работу: все губки выловлены, и вся коринка собрана. Они мечтают о берегах Смирны.

Эренбург, со свойственной ему склонностью к политико-идеологическим обобщениям, отметил:

[Ж]алкие бараки — лучшее напоминание о характере партии и о гуманитарных наклонностях невидимого игрока (игрок — далеко на туманном острове, игрок бормочет о традиционной любви брита к Элладе, а думает игрок о нефти, о рынках)⁵¹.

В 1934 г., то есть с разницей в десять лет, Эренбург, вновь обратил внимание на бедственное положение переселенцев, на неизменность в их судьбе:

Сотни тысяч беженцев по-прежнему ютятся в лачугах. Землянки, похожие на звериные норы. Ни окна, ни койки. На полу спят

⁴⁸ Χασιτάογλου 1988: 108.

⁴⁹ Jorga N. Tableaux de la Grèce contemporaine // Les Balkans. Athens. 1931–1932. № 15–16. P. 150.

⁵⁰ Papanastasiou A. La politique sociale de la Grèce // Les Balkans. Athens, 1931. № 17–18. P. 280.

⁵¹ Эренбург И. Г. Виза времени. С. 139.

впереमेжку дети, старики, женщины, больные, восемь, десять, двенадцать душ. В крохотной лачуге семья, шестеро ребят и здесь же опора семьи — коза. Дыра в земле, темно, а из темноты раздаются голоса: еще одна семья беженцев. В жалких бараках устроены школы для детворы, но скамей не хватает, некоторые дети приносят с собой табуреты, другие занимаются стоя. Возле Пирея — целый город таких лачуг, здесь живет около ста тысяч беженцев. Глядя на них, можно подумать, что это погорельцы и что страшный пожар приключился несколько дней тому назад. Но они живут этой жестокой, звериной жизнью вот уже двенадцать лет. <...> Накануне выборов враждующие партии клялись отстроить для беженцев чудесные города, потом чиновники подсчитывали голоса в урнах, составляли новые кабинеты, таяли новые займы — а внизу, в черноте землянок, все так же копошилась грязная, полураздетая, злосчастная детвора⁵².

Несмотря на политику власти, проблема с расселением беженцев так и осталась одной из актуальных и злободневных на всем протяжении первой половины XX в., а бараки надолго сделались символом и лицом городской окраины.

В то же время — именно благодаря малоазийцам были построены новые поселения, воздвигнуты церкви с широко чтимыми по всей Греции и в мире святынями (например, церковь Иоанна Русского в Нео Прокопионе).

Заключение

В первой трети XX в. греческие города развивались в трудных условиях оппозиции «модернизация — традиционализм», демонстрируя отличия и особенности, свойственные крупным центрам, с одной стороны, и периферийным, с другой. Если в Афинах и Салониках, промышленных центрах, стремление к европеизации облика городов и городской жизни, ее атмосферы проявлялось достаточно отчетливо, то малым городам страны были свойственны равнодушие к новым западноевропейским веяниям, приверженность историческим, религиозным и культурным традициям. Этому способствовал комплекс причин, в числе которых — финансовые проблемы власти, отсутствие разветвленной транспортной сети — основного канала связи со столицей с ее новыми тенденциями, острая переселенческая

---

⁵² Эренбург И. В Греции.

проблема, возникшая вследствие малоазийской катастрофы. Именно благодаря переселенцам сохранялся, а порой и усиливался самобытный элемент в жизни малых городов, проявившийся в повседневности, восточном колорите музыкальной жизни, гастрономических предпочтениях, высокой степени религиозности населения и пр. Иными словами, и это главное, благодаря малоазийской катастрофе удалось на время приостановить стремление к европеизации национальной жизни, в том числе и жизни греческих городов.

Литература

- Зонтакис, Тимонина 2024 — *Зонтакис А.Г., Тимонина Е.С.* Миссионерская деятельность православных братств в Греции и Сербии в 1918–1941 гг. // *Славянский альманах.* 2024. № 1–2. С. 55–76.
- Лубоцкая 2008 — *Лубоцкая А.С.* Облик греческого города первых десятилетий XX века по заметкам путешественников // *Россия и Греция: история и современность.* Сборник статей. М.: Толмач, 2008. С. 215–229.
- Никитина 2002а — *Никитина Т.В.* Греческие либералы и создание «Великой Греции» в первой трети XX века // *Греция: национальная идея, общество, государство XVII–XX вв.* Материалы научной конференции, посвященной 180-летию начала греческого национально-освободительной революции 1821 г., 11 апреля 2001 г. М.: Путь, 2002. С. 193–208.
- Никитина 2002б — *Никитина Т.В.* Администрация Э. Венизелоса и модернизация Греции (первая треть XX века) // *Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений. XX век* / редкол. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина (отв. ред.), Т.В. Волокитина, Е.Л. Валева. СПб.: Алтейя, 2002. С. 119–129.
- Никитина 2022 — *Никитина Т.В.* Модернизация и национализм в Греции. 1910–1932 гг. // *Балканы знакомые и незнакомые: события, личности, нарративы. XVIII–XXI вв.* / редкол. Т.В. Волокитина (отв. ред.), К.В. Мельчакова, М.М. Фролова. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 418–435.
- Петрунина 2010 — *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М.: КДУ, 2010. 744 с.
- Рентеци 2020 — *Рентеци М.* Настройка идентичностей посредством промышленной архитектуры и городского планирования: греческие табачные склады в конце XIX — начале XX века // *Городские исследования и практика.* 2020. № 2 С. 34–49.
- Фрезинский 2007 — *Фрезинский Б.Я.* Илья Эренбург с фотоаппаратом 1923–1944. СПб.; М.; Иерусалим: Музей истории фотографии; Мосты культуры; Гешарим, 2007. 149 с.

- Gauntlett 2022 — *Gauntlett S.* Between Orientalism and Occidentalism: the contribution of Asia Minor refugees to Greek popular song and its reception // *Crossing the Aegean: An appraisal of the 1923 compulsory population exchange between Greece and Turkey* / ed. by R. Hirschon. New York; Oxford: Berghahn Books, 2003. P. 247–260.
- Yerolympos 2007 — *Yerolympos A.* Thessaloniki before and after Ernest Hébrard // Λευκάς, Πύργος, Θεσσαλονίκη. URL: <https://www.lpth.gr/img/e8543a62830212c03c956e8c9afcd9d9Gerolymbou.pdf> (рукопись) (дата обращения: 02.06.2025).
- Καραδήμου-Γερολύμπου 1983 — Καραδήμου-Γερολύμπου Α. Θεσσαλονίκη 1917: Συνιστώσες και εμβέλεια μιας πολεοδομικής επέμβασης // Πόλη και περιφέρεια: έκδοση μελετών του χώρου. 1983. № 8. Σ. 73–95.
- Καραδήμου-Γερολύμπου 1985 — Καραδήμου-Γερολύμπου Α. Επανασχεδιασμός και ανοικοδόμηση της Θεσσαλονίκης μετά την πυρκαγιά του 1917. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 1985. 389 σ.
- Κόντογλου 1960 — Κόντογλου Φ. Εκφράσις τῆς Ορθοδόξου εικονογραφίας. Αθήνα: Αλ. & Ε Παπαδημητρίου, 1960. Τ. 2. 560 σ.
- Παπαγιαννόπουλος 1982 — Παπαγιαννόπουλος Α. Ιστορία της Θεσσαλονίκης. Θεσσαλονίκη: Ρέκος, 1982. 390 σ.
- Χαστάογλου 1988 — Χαστάογλου Β. Η αναδύση της νεοελληνικής πόλης: η σύλληψη της μοντέρνας πόλης και ο εκσυγχρονισμός τού αστικού χωρού // Βενιζελισμός και αστικός εκσυγχρονισμός / Συντ. Ε. Δελβερούδη, Επιμελητής Γ. Θ. Μαυρογορδάτος, Χ.Χ Χατζηιωσήφ, Ηράκλειο: Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης, 1988. Σ. 93–113.

References

- Frezinskii, B. Ya., 2007. *Il'ia Erenburg s fotoapparatom 1923–1944* [Ilyia Erenbourg with the camera 1923 1944]. St. Petersburg; Moscow; Jerusalem: Muzei istorii fotografii; Mosty kul'tury; Gesharim, 149 p. (in Rus.)
- Gauntlett, S., 2022. Between Orientalism and Occidentalism: the contribution of Asia Minor refugees to Greek popular song and its reception. In: Hirschon, R., ed. *Crossing the Aegean: An appraisal of the 1923 compulsory population exchange between Greece and Turkey*. New York; Oxford: Berghahn Books, pp. 247–260.
- Karathimou-Gerolimpu, A., 1983. Fessaloniki 1917: Sinistoses ka emvelia mias poleothomikis epemvasis [Components and scales of intervention in urban planning]. In: *Póli kai perivéria: ékdoti meletón toy chóroy* [City and region: publication of the city's studies], 8, pp. 73–95. (in Greek)
- Karathimou-Gerolimpu, A., 1985. *Epanashethiasmos kai anikothomisi tis Fessalonikis meta tin pirkaya tou 1917* [Redesign and reconstruction of Thessaloniki after the fire of 1917]. Thessaloniki: Aristotle University of Thessaloniki, 389 p. (in Greek)

- Kondoglu, F., 1960. *Ekfrasis tis Orfodoxou ikonografias* [Expression of Orthodox iconography], 2, Athens: Al. & E Papadimitriou, 560 p. (in Greek)
- Lubotskaia, A. S., 2008. Oblik grecheskogo goroda pervykh desiatiletii 20 veka po zametkam puteshestvennikov [The image of the Greek city in the first decades of the twentieth century according to travellers' notes]. *Rossii i Gretsii: istoriia i sovremennost'* [Russia and Greece: History and Modernity]. Moscow: Tolmach, pp. 215–229. (in Rus.)
- Nikitina, T. V., 2002. Administratsiia E. Venizelosa i modernizatsiia Gretsii (pervia tret' 20 veka) [Administration of E. Venizelos and the modernization of Greece (the first third of the twentieth century)]. In: Litavrin, G. G., Grishina, R. P., Volokitina, T. V., Valeva, E. L., eds. *Chelovek na Balkanakh v epokhu krizisov i etnopoliticheskikh stolknovenii. XX vek* [Man in the Balkans in the age of crises and ethnopolitical clashes of the twentieth century]. St. Petersburg: Aleteia, pp. 119–129. (in Rus.)
- Nikitina, T. V., 2002. Grecheskie liberaly i sozdanie "Velikoi Gretsii" v pervoi treti 20 veka [Greek liberals and the creation of "Greater Greece" in the first third of the twentieth century]. In: *Gretsii: natsional'naia ideia, obshchestvo, gosudarstvo 17–20 vv. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 180-letiiu nachala grecheskogo natsional'no-osvoboditel'noi revoliutsii 1821 g., 11 apreliia 2001 g.* [Greek liberals and the creation of "Greater Greece the first third of the twentieth centuries. Materials of the scholarly conference devoted to the 180th anniversary of the outbreak of the Greek national liberation revolution of 1821, 11 April 2001]. Moscow: Put', pp. 193–208. (in Rus.)
- Nikitina, T. V., 2022. Modernizatsiia i natsionalizm v Gretsii. 1910–1932 gg. [Modernisation and nationalism in Greece. 1910–1932]. In: Volokitina, T. V., Mel'chakova, K. V., Florova, M. M., eds. *Balkany znakomye i neznakomye: sobytiia, lichnosti, narrativy. 18–21 vv.* [The Balkans familiar and unfamiliar: Events, personalities, narratives. From the eighteenth to the twenty-first centuries]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 418–435. (in Rus.)
- Papayannopoulos, A., 1982. *Istoria tis Fessalonikis* [History of Fessaloniki]. Fessaloniki, 390 p. (in Greek)
- Petrunina, O. Ye., 2010. *Grecheskaia natsiia i gosudarstvo v 18–20 vv.* [Greek nation and state from the eighteenth to the twenties centuries]. Moscow: KDU, 744 p. (in Rus.)
- Rentetsi, M., 2020. Nastroika identichnostei posredstvom promyshlennoi arkhitektury i gorodskogo planirovaniia: grecheskie tabachnye sklady v kontse 19 — nachale 20 veka [Configuring identities through industrial architecture and urban planning: Greek tobacco warehouses in the late nineteenth and early twentieth century]. *Gorodskie issledovaniia i praktika* [Urban research and praxis], 2, pp. 34–49. (in Rus.)
- Xastaoglou, V., 1988. I anathisi tis neoellinikis polis: I sillipsi tis modernas polis ka o eksigxronismos tou astikou xorou [The resurgence of the modern Greek

- city: the conception of the modern city and the modernization of urban space]. In: Deveroudi, E., Mavorgordatos, C. Th., Hatziosif, H. H., eds. *Venizelismós kaí astikós eksinkhronismós* [Venizelism and urban modernization]. Heraklion: University Publications of Crete, pp. 93–113. (in Greek)
- Yerolympos, A., 2007. *Thessaloniki before and after Ernest Hébrard*. In: Λευκάς, Πύργος, Θεσσαλονίκη (manuscript). URL: <https://www.lpth.gr/img/e8543a62830212c03c956e8c9afcd9d9Gerolymbou.pdf> (accessed: 02.06.2025).
- Zoitakis, A. G., Timonina, E. S., 2024. Missionerskaia deiatel'n ost' pravoslavnykh bratstv v Gretsii i Serbii v 1918–1941 gg. [Missionary activities of Orthodox brotherhoods in Greece and Serbia in 1918–1941]. *Slavic Almanach*, 1–2, pp. 55–76. (in Rus.)

Anna S. Lubotskaya

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32A.

E-mail: lia-ann@mail.ru

Capital and Life Around: Specific Features of the Greek State's Development in the First Third of the Twentieth Century

Since the time of its liberation in the mid-nineteenth century, the Greek state has sought to downplay the importance of Eastern culture in the life of the country. This was facilitated by the hardships of life under the Ottomans, the longing for the historical heritage of antiquity, and, most importantly, the influence of the great powers on modern life in Greece. By the early twentieth century, the previously emerging orientation toward the European model of development was clearly evident in all areas of life: politics, culture, and the spiritual sphere. Reformation tendencies were also observed during the emergence of cities. First of all, they were visibly manifested in Athens and in the second factual capital — Thessaloniki. Athens was changing, modernising itself according to the model of modern European centres, attracting the Greek elite, as well as the poetic and creative bohemia. In Thessaloniki, after the terrible fire of 1917, which destroyed most of its historical buildings, the Greek authorities received a unique chance to modernise the northern capital, taking into account the urban planning practices of European cities. However, most of Greece remained neutral to the new Western European trends, because of the financial problems of the authorities, the lack of an extensive road network—the main channel of communication with the capital and its newfangled trends—an acute migration problem, accompanied by the strengthening of the original element in the life of small towns, commitment to Eastern traditions, and a high degree of religiosity. The article attempts to identify modernisation trends that manifested themselves in the appearance of Greek cities, and partly recreate a visualisation of their existence and the atmosphere of urban life through the prism of the opposition “modernisation — traditionalism”. The sources used by the author are the testimonies of contemporaries — travellers, journalists, writers, politicians, diplomats, cultural figures, and publications in the media.

Keywords: Greece, modernization, city, tradition, Asia Minor catastrophe

Received: 7 March 2025

Accepted: 23 June 2025

How to cite: Lubotskaya, A. S., 2025. Stolitsa i zhizn' vokrug: osobennosti razvitiia grecheskikh gorodov v pervoi treti 20 v. *Central-European Studies*, 8, pp. 220–246. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.8>